

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/12

Еще раз о жителях поселка Болгарский в Казахстане

И.Ф. Грек

Ассоциация историков и политологов «Pro-Moldova»

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Авторское резюме

Освещается дискуссия вокруг вопроса самоназвания жителей поселка Болгарский, основанного в 1909–1910 гг. в Актюбинском уезде Тургайской области России. Анализируются работы М. Станчева и Ю. Ганевой, в которых авторы, опираясь на этноним *болгары*, используемый как самоназвание и ныне жителями поселка Казахстана, причисляют их к этническим болгарам. Доказывается, что поселок был основан тюркоязычными православными мигрантами из сел Буджака, известными как гагаузские и ныне входящими в АТО Гагаузия. При миграции они определяли себя болгарами, а этнических болгар называли туканами. Утверждается, что жители поселка сохранили тюркский язык, называемый ими болгарским, продолжают относить себя к болгарам, но признают, что их язык схож с языками тюркских народов ближнего зарубежья. Обосновывается причина несостоявшегося перехода ими на этноним *гагаузы*.

Ключевые слова: поселок Болгарский, Казахстан, Буджак, этногенез гагаузов, тюркский язык, славяноболгары, Станчев, Ганева.

The Residents of Bolgarsky Village in Kazakhstan (Revisited)

I.F. Grek

Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists

E-mail: ivangrec39@mail.ru

Abstract

The article dwells on the discussion around the self-designation of the residents of Bolgarsky village, founded in 1909–1910 in Aktobe District, Turgai Province, Russia.

The author analyses the works by M. Stanchev and Y. Ganeva, who rely on the ethnonym Bulgarians, used as a self-name by the residents of the village, classify them as ethnic Bulgarians. It is proved that the village was founded by Turkic-speaking Orthodox migrants from Bugeac, known as Gagauz and now part of Gagauzia Autonomy. During migration, they identified themselves as Bulgarians and called ethnic Bulgarians *toucans*. It is argued that the village residents retained the Turkic language, which they call Bulgarian, and continue to identify themselves as Bulgarians, but admit that their language is similar to the languages of the Turkic peoples of the near abroad. The author substantiates the reason for the failed transition to the ethnonym Gagauz.

Keywords: Bolgarsky village, Kazakhstan, Bugeac, ethnogenesis of the Gagauz, Turkic language, Slavic Bulgarians, Stanchev, Ganeva.

Вступление

В 2019 г. вышла моя статья [8: 317–353], посвященная жителям поселка Болгарский, основанного после столыпинской реформы 1906 г. Они мигрировали из тех сел, которые возникли в первой трети XIX в. в Буджаке после двух массовых переселений выходцев из-за Дуная. Здесь их поселения на казенных землях получили известность как «Бессарабское болгарское водворение», «поселения болгар и гагаузов в Южной Бессарабии», «колонии задунайских переселенцев».

Анализируя антропонимию архивного документа «Сельскохозяйственная перепись 1917 г.» поселка Болгарский Актюбинского уезда Тургайской области России, я задался вопросом: почему он так назван его жителями? Их фамилии мне известны как тюркские, и они распространены в гагаузских селах в молдавской и украинской части Буджака. Казалось бы, что тюркоязычные православные выходцы-мигранты из этих сел должны были назвать его поселком Гагаузским, а не Болгарским. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости этногенеза, а точнее, в исторических интеграционных процессах этнической трансформации тюркской амальгамы и ее названия «другими» (начиная с XIV–XV вв. на Балканах) и самоназваний (до последней трети XIX в. в Буджаке). Документальные источники свидетельствуют: тюркоязычное православное население при его поселении здесь и до 70-х гг. XIX в. идентифицировало себя как *болгары* (абсолютное их большинство), *греки*, *читаки*, *гаджалы*. В последней трети XIX ст. у них начался процесс этнического перекодирования, который продолжался до 40-х гг. XX в. Однако этот процесс имел место только здесь, в Буджаке. То тюркоязычное православное население, которое в силу различных геополитических (эмиграция 1860–1861 гг. в Приазовье) и социально-экономических причин конца XIX – начала XX в. (миграция на

Северный Кавказ, в Тургайскую область, на территорию современного Казахстана) покидало буджакские села, продолжало называть себя все еще по-старому, как правило, болгарами (некоторые и гаджалами). Поселок Болгарский, о котором идет речь в опубликованной статье, основали тюркоязычные православные мигранты из Чадыр-Лунги, Гайдара, Татар-Копчака, Дезгинжи и других сел. Они именовали себя *болгарами*, поэтому и назвали свой поселок Болгарским.

И таковыми себя называют до сих пор!

Именно это обстоятельство ввело в заблуждение двух этнических болгар – М.Г. Станчева и Ю.Т. Ганеву. В своих публикациях они утверждают, что население поселка – этнические болгары. Но оно, утверждение, основано не на мнении их авторов, а, повторюсь, на самоназвании самих жителей поселка Болгарский. Раскрытию сути этого противоречия, которое может быть неправильно интерпретировано как в Молдове, так и в Болгарии, посвящена данная статья.

Анализ позиции М. Станчева и Ю. Ганевой. Статья Михаила Георгиевича Станчева была опубликована в Кишинёвской газете в начале 1990-х [13]. Станчев – известный историк, болгарин из репрессированной в 1949 г. семьи из села Кортен, что на юге Молдавии, дипломат, преподаватель Харьковского университета им. В.Н. Каразина. Эту статью мне переслал ученый-филолог Васил Кондов, тоже уроженец Кортена, гражданин и Болгарии еще с советских времен, преподаватель Тараклийского университета. Я выражаю ему искреннюю благодарность.

В основу статьи М.Г. Станчева положено письмо жителя поселка Болгарский Федора Федоровича Маглели, полученное автором в ответ на его письмо, целью которого было выяснить, когда село было основано, кем, а также 80-летнюю его историю. Информант М. Станчева – сын одного из трех братьев-первопоселенцев и основателей поселка Болгарский Федора Семеновича Маглели. Автор, опираясь на содержание письма своего информанта, утверждает, что открыл еще одно этническое болгарское село на территории тогда еще существовавшего (октябрь 1991 г.) Советского Союза, в Казахской ССР.

Недавно в Болгарии Юлияна Ганева издала книгу об этом селе [2] и опубликовала отрывок из нее [3: 425–430]. Автор также утверждает, что жители поселка – этнические болгары.

Понимая, что выводы Ю. Ганевой и М. Станчева основаны на самоназвании жителей поселка Болгарский, хотелось бы с учетом всего того, что я знаю об этом селе и его жителях, об истории тюркоязычных выходцев из-за Дуная в Буджаке, высказать свое мнение о некоторых спорных, на мой взгляд, моментах в указанных публикациях. Это мнение основано на архивных источниках 1917–1918 гг. и полевых

материалах сектора гагаузоведения Молдавской академии наук конца прошлого века; на научной литературе, освещавшей миграцию в Приазовье (1860–1861 гг.) из участка Южной Бессарабии, отошедшего в 1857 г. по условиям Парижского мирного договора к Молдавскому княжеству, и миграцию из сел Буджака (конец XIX – начало XX в.) на Северный Кавказ и в восточные губернии Российской империи; на переписке с Алексеем Павловичем Маглели (1962 г. р.), дедушкой которого был Федор Иванович Маглели (1913 г. р.), а прадедушкой – Иван Павлович Маглели, родоначальник другой ветви этой чадыр-лунгской фамилии в Болгарском. У Федора Ивановича Маглели в 1940 г. родился сын Павел Федорович, отец Алексея Павловича.

Всего в Болгарском в 1917 г. было шесть домохозяев по фамилии Маглели. Чтобы разобраться, кто есть кто, надо было выйти на «Ревизские сказки», т. е. переписи жителей Чадыр-Лунги 1835, 1850 и 1859 гг. За помощью я обратился к известному исследователю истории участия бессарабских гагаузов и болгар в Первой мировой войне Светлане Николаевне Капанжи. Благодаря ей удалось установить, что по переписи 1835 г. в Чадыр-Лунге было всего две семьи по фамилии Маглели, в одной из которых были только дочери. У Петра Маринова Маглели было три сына, младший из которых, Иордан, оставил себе фамилию Маглели, остальные же взяли фамилию Мариновы. У Иордана было пять сыновей: Василий (1834 г. р.), Семен (1836 г. р.), Иван (1839 г. р.), Георгий (1841 г. р.) и Николай (1843 г. р.). Согласно переписи 1859 г. у Иордана родился еще один сын, по-видимому, последний – Тодор. Эти данные, предоставленные С.Н. Капанжи из указанных переписей, позволяют уточнить родственные связи всех Маглели в Болгарском: Николай, Федор и Павел Семеновичи – родные братья, их отец – Семен; Иван и Георгий Павловичи – сыновья Павла Семеновича и внуки Семена Иордановича Маглели; Иван Николаевич Маглели приходится сыном Николаю Семеновичу. Таким образом, в Чадыр-Лунге остались все потомки сыновей Иордана, за исключением сына Семена. Можно предположить также, что корни фамилии Мариновых в поселке также тянутся от Петра Маринова Маглели.

В данной статье анализируется антропонимия жителей указанного поселка на основе архивного документа 1917 г. М.Г. Станчев опирается, как было отмечено, на письменное свидетельство жителя поселка (1991 г.), а Ю.Т. Ганева собирала полевой материал в самом поселке Болгарском, что придает ее публикациям особое значение. Но необходимо подчеркнуть, что из тех 45 фамилий буджакских основателей поселка (на 1917 г. 95 его домохозяев из 100) Ганева застала в селе фамилии только 12 их потомков: Ворников, Мумжу, Маглели, Маринов, Бошков, Киося, Копущу, Русал, Терзи (в 1917 г. – Каратерзий?),

Юсумбели, Генов, Кулев. Исчезли из поселка 33 переселенческие фамилии, указанные в «Сельскохозяйственной переписи» 1917 г. В списке Ганевой [2: 175–178], включающем 144 чел., 12 буджакских фамилий присутствовали в той переписи, два носителя таких фамилий появились здесь после 1918 г., и 11 фамилий новых жителей поселка не являлись выходцами из Буджака. Таким образом, антропонимия жителей поселка 1917 г. почти за 100 лет претерпела существенные изменения. Интерес представляет и количество жителей Болгарского: в 1917 г. их было, по моим подсчетам, примерно 632 чел., в 1991 г., по данным информанта М.Г. Станчева, – 1 100 чел., в 1999 г. – 922 чел. (оценочные данные), в 2009 г. (согласно переписи населения) – 480 чел., по оценкам за 2015 г. – 583 чел. 12 национальностей. Т. е. есть в 2009 и 2015 гг. численность населения Болгарского была меньше, чем в 1918 г., соответственно на 150 и 50 чел., а в 2009 г. по сравнению с 1991 г. – меньше более чем в два раза. Из сказанного следует: несмотря на то что Болгарский и после 1991 г. сохранял антропонимический облик его первопоселенцев (хоть и измененный), что подтверждают и количественные показатели списка Ганевой (из 144 фамилий в нем 116 принадлежат потомкам первопоселенцев 1917–1918 гг.), налицо его демографический кризис. Таким образом, Болгарский как объект исследований М. Станчева и Ю. Ганевой существенно отличается от своего первоначального облика 1917 г. и по антропонимии его жителей, и по их численности. Но истинная причина написания данной статьи вызвана желанием выяснить этническую проблему самоназвания жителей поселка на протяжении всей его истории.

Особенность газетной публикации М.Г. Станчева в том, что она – авторская, в ней не выделен текст, принадлежавший информанту Ф.Ф. Маглели. В его статье меня заинтересовал, прежде всего, сюжет, относящийся к первым 10–15 годам существования поселка Болгарский. Указанный в ней 1910 г. как год его основания, на мой взгляд, более достоверный, чем упоминаемые в воспоминаниях и публикациях 1905 и 1908 гг. Что касается 1908 г., то в письме ко мне Санкт-петербуржец Альберт Варбанский сообщает, ссылаясь на имеющийся у него архивный документ: «Осенью 1908 года переселенцы из Бессарабии Федор и Наталья Колтуклу из Чадыр-Лунги, Георгий и Меланья Кирчиоглу из Копчака первыми прибыли в село Каратаусай и в двух километрах от села основали свое селение, назвав его Болгарским». Учитывая осеннее время их появления там и их численность (две семьи), можно предположить, что только по прибытии в 1909–1910 гг. большого количества переселенцев из Буджака был основан поселок Болгарский.

В статье М. Станчева приводится утверждение его информанта Ф.Ф. Маглели о том, что «вначале село называлось Чалаксай (с 1926 г. – Болгарское)». Вот о чем свидетельствует архивный документ, анализируемый в моей статье: «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г. Тургайская область, уезд Актюбинский, волость Лохвицкая, общество поселковое, пос. Болгарский». Такой же архивный документ есть и от 1918 г. (сохраняю стиль документа): «Список пос. Болгарский Лохвицкой волости о состоянии зернового запаса, нуждающиеся в продовольствии и обсеменении, кои удовлетворены обнаружившегося зернового запаса». В данном списке, состоящем из 94 фамилий, появляются новые, отсутствовавшие в списке домохозяев в сельскохозяйственной переписи 1917 г.: Филипп Сакалы, Степан и Павел Манастырлы, Петр Губогло, Мустафа Гисматулин, Зиновий Терзи. Число семейств в Болгарском могло возрасти до 106, если никто из домохозяев 1917 г. не ушел из поселка. Таким образом, можно утверждать, что такое название поселку было дано переселенцами из Буджака при его основании в 1909 или 1910 гг.

Утверждение М. Станчева о том, что жители поселка были выходцами из Бендерского уезда, соответствует действительности, а вот перечисление в статье конкретных сел, откуда прибыли переселенцы, основавшие Болгарский, не совсем точно. Анализ антропонимических данных архивного источника 1917 г. дал основание утверждать, что жители Болгарского переселились из Татар-Копчака, Чишмикиоя, Чадыр-Лунги, Комрата, Авдармы, Дезгинжи, Томая, Баурчи, Гайдара, Болбоки. Переселенцев из Кубея, Казаяклии, Твардицы, Кортена в списке домохозяев 1917 г. поселка Болгарский не было. Их нет и в списке 1918 г. Они могли находиться в других населенных пунктах Тургайской области. Следовательно, в 1917–1918 гг. среди жителей Болгарского не было Забуновых и Желяповых из Твардицы, Новаковых и Миховых из Кортена. Новые домохозяева появились в Болгарском позже, о чем свидетельствует документ 1918 г.

В статье М. Г. Станчева красной нитью проходит мысль, что Болгарский основан этническими болгарскими переселенцами из буджакских сел Бессарабской губернии. Вот некоторые цитаты из статьи: «Мне кажется, что необходимо помочь единственному болгарскому селу, заброшенному исторической судьбой в Тургайскую степь, возродить свою национальную культуру»; «Болгарка пытается сохранить народные традиции. Но с каждым ушедшим годом это становится все труднее. Молодое поколение не знает болгарский язык (автор имеет в виду славяно-болгарский язык, а не тюрко-болгарский. – И.Г.)»; «...в Болгарке живут болгары. Необходимо протянуть им руки и сказать: “Здравствуйте, братья и сестры”» [14]. На чем основаны

утверждения автора о болгарском этническом облике поселка? На том, во-первых, что он назван Болгарский, следовательно, его жители – этнические болгары. Во-вторых, на том, что его первопоселенцы идентифицировали себя как *болгары*, и так же определяли себя их дети и внуки. И сам Ф.Ф. Маглели в своем письме к М.Г. Станчеву назвался болгаринном. Более того, как сообщает мне по электронной почте Алексей Павлович Маглели, в Актюбинске создано областное этнокультурное объединение болгар «Вяра», первым председателем которого был его дальний родственник Павел Иванович Маглели (потомок еще одной ветви этой фамилии в Болгарском, ее родоначальник – Маглели Иван Николаевич). Теперь обществом руководит Анастасия Михайловна Подольянова, ее девичья фамилия – Бошкова, она есть в указанном выше списке сельскохозяйственной переписи 1917 г. То есть создатель общественного объединения болгар «Вяра» П.И. Маглели и нынешний руководитель общества А.М. Подольянова-Бошкова также считают себя болгарами! Какие могут быть сомнения у Станчева, что поселок Болгарский основан болгарскими выходцами из Буджака в годы столыпинской реформы? Никаких.

Не было и, кажется, не могло быть сомнений и у Юлияны Тодоровой-Ганевой относительно того, что жители поселка – этнические болгары. Само название ее книги «...и все пак сме българи», выглядит как утверждение жителей Болгарского: «Кто бы что ни говорил, но мы болгары». И название ее статьи «Езикът на българите в село Болгарка, Казахстан» [3] подтверждает этноним *болгары*, но что-то, на мой взгляд, удерживало автора от того, чтобы и глоттоним предварить прилагательным *българския*. Я не филолог, поэтому к анализу ее статьи подхожу и как историк, и как носитель одного из диалектов болгарского языка бессарабских болгар, т. е. я не буду касаться сути содержания ее публикаций. Меня, например, заинтересовала методика составления приложения к статье (гlossарий) из почти 200 слов, сведенных в таблицу, в которой болгарские слова поставлены в первую графу, их перевод на русский язык дан во второй графе, а в третьей и четвертой – на гагаузский в славянской и латинской графике. Таблица, на мой взгляд, может быть составлена в таком порядке, если жители поселка говорят на болгарском языке. Но слышала ли его Ю. Ганева в Болгарке (простонародное название поселка)? Какой из трех языков выполняет функции языка общения между его жителями? И могли ли три *гагаузки*, прибывшие в село в послевоенное время и так себя определившие, так повлиять на специфику разговорной речи его жителей, основателей поселка и их потомков, сложившейся еще до 1917 г., что потребовало от автора дать и перевод болгарских слов на гагаузский язык? И почему она включила в графу перевода

болгарских слов именно его, а не какой-либо другой тюркский язык, например казахский? Ее же информантами не были эти три гагаузки, жительницы поселка! А если язык общения у жителей не болгарский, т. к. это казахское поселение теперь многонациональное [3: 425], то почему именно русский язык, а не казахский избран для перевода болгарских слов?

Возникает вопрос и относительно болгарского глоссария. Языковеды-диалектологи, насколько я знаю, записывают слово, сказанное информантом в его диалектной форме, учитывая специфику произношения, и лишь затем указывают его литературную форму, если в этом есть необходимость. Юлияна Ганева приводит литературную форму болгарского языка. Означает ли это, что ее информанты, если они были этническими болгарам, не знали родного языка в диалектной его форме? Приведу примеры: литературное *човек* – диалектное *чиляк*; литературное *ябълка* – диалектное *абълка*; литературное *чушка* – диалектное употребляется для обозначения диалектного *пипер* (*чушка пипер*); литературное *ключ* – диалектное *нахтар*; литературное *фурна* имеет несколько диалектных обозначений: *пещ*, *соба*; литературное *царевница* – диалектное *пушой*, литературное *домат* – диалектное *патлажан*; литературное *слънчоглед* – диалектное *слънчухка*; литературное *овчар* – диалектное *ухчерен* [3: 427–430] и т. д. Тот факт, что в диалектной речи бессарабских болгар встречается много тюркских и турецких слов – это реальность, которая должна учитываться исследователем-языковедом. Поэтому такие слова, которые указаны Ганевой в графе «гагаузский язык», как *дувар*, *бульо*, *кантърма*, *каун*, *коч*, *колай*, *кюмюр*, *кочан*, *сабалем* (в моем селе – *сабахлен*), *паралия*, *тарак* (*дарак*), *йок* и др., являются частью диалектных слов, употребляемых в разговорной речи бессарабских болгар.

Для составления гагаузского ряда слов глоссария автор привлекла тюрколога Валентину Гаргалык, «бессарабскую болгарку из Молдовы». Она может идентифицировать себя как болгарка, это ее право, но ее отец – уроженец села Томай Чадыр-Лунгского района, 95 % населения которого составляют гагаузы. Носителями фамилии Гаргалык в Молдове являются гагаузы, во всяком случае, я не встречал ее среди болгар Молдовы. Сама В. Гаргалык родилась в Кишинёве.

Валентина Гаргалык, пишет Ю. Ганева, считает, «че езикът, на който говорят в село Болгарка, е същият като езикът на жителите от село Томай, Чадърлунгски район, Молдова» (язык, на котором говорят в селе Болгарка, тот же, что и язык жителей села Томай Чадыр-Лунгского района Молдовы (перевод с болгарского языка мой. – И.Г.)) [3: 426]. Но жители Томая говорят на центральном чадыр-лунгско-комратском диалекте гагаузского языка (есть еще и вулканештский диалект).

Он взят за основу при создании словаря гагаузского литературного языка П. Чеботарем и И. Дроном (см. «Гагаузско-русско-румынский словарь»). Но что примечательно, подавляющее большинство переселенцев, основавших поселок Болгарский в 1909–1910 гг., составляли именно православные тюркоязычные выходцы из сел, являющиеся носителями чадыр-лунгско-комратского диалекта языка – *тюркча*, как они сами называли его тогда. Поэтому утверждение Ганевой, основанное на заявлении Гаргалык, о том, что язык жителей Болгарки идентичен языку жителей села Томай, не дает ли основание предположить, что родной язык его жителей, потомков первопоселенцев, не славяно-болгарский? А болгарским они назвали свой тюркский язык! О том, что жители Болгарского конца XX в., как и их предки, не знали «болгарского» (славяно-болгарского) языка, пишет и М.Г. Станчев в указанной статье (правда, с уточнением, что его не знает молодежь).

Позиция потомков основателей села относительно самоназвания и родного языка. Подтверждение о сохраняющемся более 100 лет самоназвании первопоселенцев *болгары*, которому следуют ныне живущие в поселке их потомки, находим в ряде статей о поселке Болгарском. В одной из них, от октября 2015 г., Марина Маринова (была информантом Ю. Ганевой в 2009–2012 гг.) упоминает о проживании в нем «женщины из Болгарии», которая «удивилась нашему языку и тому, как тут сохранилась история. В современной Болгарии, оказывается, все по-другому». И Маринова с гордостью заявляет корреспонденту: «Язык и народные обряды в Болгарке не только прижились, но и сохранились» [11]. Естественно, речь идет о языке и традициях основателей Болгарки. М. Маринова не говорит, как называется ее язык, но из сказанного вытекает, что он не похож на болгарский язык «женщины из Болгарии». Если бы был похож, то она бы не удивлялась. В другой публикации та же самая М. Маринова заявляет: «Здесь недалеко от нас было местное население в поселке Жамсай, потом начали сближаться, язык похож. Любой казах говорит на болгарском языке, и любой болгарин говорит на казахском языке». А вот цитата от 2 мая 2018 г., прозвучавшая на канале «Хабар 24» в передаче под названием «В селе Актюбинской области проживает пятое поколение болгар»: «В селе Болгарка живет одна из многочисленных болгарских диаспор в стране».

Приведу также мнение человека, далекого от филологии, этнологии и истории, – Алексея Павловича Маглели. В своем письме ко мне он сообщает, что жители Болгарки «с казахами и вообще всеми азиатами, алтайцами, татарами, башкирами легко находят общий язык, много переучиваться не нужно, все основные корни и языковые конструкции совпадают». Конечно, он имеет в виду тюркскую разговорную

речь первопоселенцев из Буджака, поскольку встречался и общался с теми, кто в детском возрасте переселился в Актюбинскую область и был живым свидетелем основания Болгарки. Это родная речь его деда, бабушки, отца. В его письмах, представленных в приложении, есть и другие его высказывания относительно того, кем были жители Болгарки и на каком языке они разговаривали между собой. Подчеркну только, что он 1962 г. р., знаком с некоторыми публикациями по истории происхождения гагаузов, сам себя идентифицирует как гагауз, что нашло отражение в приводимых ниже цитатах из его писем ко мне: «Гагаузы жили в других селах области, но в Коммунисте (Болгарский был известен и как Болгарка, и как Коммунист, по названию местного колхоза. – И.Г.) – в предельной концентрации»; «Все были по паспорту болгары, но иногда называли себя гагаузами»; «По-гагаузски говорили только в селе, куда я часто ездил на лето»; «Все, конечно, говорят по-гагаузски»; «Батя (1940 г. р. – И.Г.), например, уверен, что мы самые настоящие болгары, а никакие не гагаузы... И его не смущает, что в 70-е годы кто-то из родни поехал в Болгарию и выяснили, что там их никто не понимает»; «Родня говорит на явно выраженном тюркском языке»; «С большой долей уверенности можно утверждать, что либо славяно-болгар (в Болгарском. – И.Г.) вообще не было, либо они были предельно ассимилированы гагаузами».

Юлияна Ганева, филолог, была в Болгарке с 2009 по 2012 г. Направлена туда МОН Болгарии в качестве учителя болгарского языка и литературы в начальной школе села Болгарское Алгинского района Актюбинской области Казахстана. Ее статья, как и книга, написана, как сообщает автор, на основе сведений, полученных от местных информантов: Елены Андреевны Геновой (1932 г. р., образование 4 класса), Марины Федоровны Мариновой (1961 г. р., девичья фамилия Маглели, школьный библиотекарь), Тамары Дмитриевны Копущу (1955 г. р., делопроизводитель в школе), Любови Трофимовны Лычагиной (девичья фамилия Маринова, 1953 г. р., пенсионерка) [3: 426]. Фамилии Генова, Маринова и Копущу есть в «Сельскохозяйственной переписи» 1917 г. Предком Геновой был выходец из Чадыр-Лунги, Копущу – из Татар-Копчака, Мариновой (Лычагиной) – скорее всего, из той же Чадыр-Лунги. Все три села – гагаузские и входят в АТО Гагаузия. При переселении и основании поселка Болгарский они, повторяюсь, считали себя *болгарами*, их потомки, как видим, продолжают причислять себя к *болгарам* и стоят на этом!

В статье [8: 336–340] я объясняю, почему. В ней не ставится под сомнение их право так себя идентифицировать. Однако ошибочная трактовка моей позиции актюбинским журналистом Кожухарем в его публикации после телефонного разговора со мной, которая стала

известна жителям Болгарки, вызвала у них негативную реакцию. Они посчитали, что я их называю *гагаузами*. И не изменили своего мнения даже после того, как ознакомились с моей статьей. Но такого этнонима в ней нет: я использовал в отношении переселенцев начала XX в. определение «тюркоязычные православные», которые тогда, будучи жителями Буджака (Южная Бессарабия), называли себя *болгарами*, а этнических болгар – *туканами* [5: 324–325]. И обосновал: оторвавшись от основной массы тюркоязычных православных в Буджаке, они не могли там перекодировать свою идентичность, как это сделали те «тюркоязычные православные», кто остался в Буджаке, сменив свой этноним **болгар** на этноним **гагауз**. *Жители Болгарки не захотели установить со мной контакт*. Я их понимаю и хочу подчеркнуть: никто не имеет право – сознательно или случайно – отнимать у человека или целой общности этноним, которым он / они себя называют. Как исследователь я продолжаю следить за тем, что происходит в поселке вокруг проблемы самоопределения его жителей, потомков основателей Болгарского.

Последняя информация – от Андрея Станкова, уроженца Гагаузии, который поддерживает контакты с женщиной 37 лет и молодым парнем. Он получил от женщины письмо следующего содержания: «Да, в нашем селе все говорят на гагаузском. Так, по крайней мере, говорят мои родственники. Я не владею языком, поэтому не совсем могу ответить, так ли это. Но в нашем поселке работала волонтером из Болгарии Юлияна Ганева на протяжении трех лет. Мы много с ней говорили об этом. Она утверждала, что *мы говорим на гагаузском*, а болгары нас не поняли бы во многом. Она учила наших детей, и *ее язык был нам незнаком*, за исключением некоторых слов». А. Станков комментирует ее высказывание: «*Эта женщина говорит, что они болгары*, но думает, что, возможно, что и гагаузы. А парень считает себя гагаузом. Я думаю, с доступом Интернета они узнали, что гагаузы. И наподобие нас, бессарабских гагаузов, также стали себя относить только к гагаузам».

Выводы из этого напрашиваются следующие. Представители среднего поколения потомков первооснователей Болгарского продолжают называть себя болгарами, но допускают, что они, возможно, и гагаузы. Сомнение у женщины происходит от того, что ее язык и язык Юлианы Ганевой – разные. А молодой парень из села уверен, что он гагауз. И эта уверенность пришла к нему из Интернета, в чем и убежден А. Станков.

Политоним болгары и этноним болгары. В поселке Болгарский мы сталкиваемся с фундаментальным правом человека считать себя в реальной жизни тем, кем он себя ощущает. Нынешние потомки его основателей-первопоселенцев приняли от предков, что они *болгары*

[5: 323–324] и продолжают причислять себя к ним, несмотря на то что славяно-болгарского языка не знали и не знают. И сторонники болгарского происхождения гагаузов как будто получают подтверждение своей гипотезе, основанной на мифе «язык (славяно-болгарский. – И.Г.) отдадим, но веру (православную. – И.Г.) сохраним» («Дилимизи дьонджийс, динимизи дьонмийджийс»). Но это миф по причине того, что тюркоязычным православным в Болгарии при ее завоевании Османской империей в конце XIV в. не нужно было отказываться от своего языка, он был родствен турецкому языку. Славяно-болгарская гипотеза происхождения гагаузов основывается на мифическом изречении бабушки Миты Михалицы, которое приводит Б. Нейков в своей книге «Факийско предание»: это произошло «когато турците преминали от Анадол и завладели и Добруджа. И това пак същата баба Михалица ни разправяше, която и тя чувала да говорят нейната майка и баба, и те слушали от техните майка и баба, как ги преобърнали на гагаузи. Дошла една паша с много войска и след това дошел и турският цар и щом влязал във Варна, повелил, всичките християни да се изколят, освен тия, които са потурчат. Но защото станала голяма война (1444 г.) и като турците надвили на християните, то който не ще да си потурчи вярата, да си потурчи езика: «я дининизи, я дилинизи» (или вярата, или езика). Тогази едни си дали вярата, а не езика (помаки. – И.Г.), а наште си дали езика, а не вярата» [12: 281; 14: 154]. И продолжает бабушка Михалица свой мифологический рассказ о том, как родилось слово «гагаузы»: «И защото най-паче старите като не можали добря да издумват турския език, а гъгали от горло, то ги биели турците защо гъгали и защо не изговаривали добря, че от гъга и уз (гъгане и добря) ни нарекли гъгауз или гагауз» [12: 281]. Переведу на русский язык: это произошло «тогда, когда турки пришли от Анадолы и завладели и Добруджей. И это опять эта же баба Михалица объясняла нам то, что она слышала разговор матери и бабушки, а те слышали от их матери и бабушки, как их обратили в гагаузов. Пришел паша с многочисленным войском, а затем пришел и турецкий царь и как только вошел в Варну, приказал всех христиан вырезать, кроме тех, кто отуречится. Но после большой войны (1444 г.), в которой турки победили христиан, то [тогда турки потребовали], кто не хочет принять веру турок, должен принять турецкий язык... Тогда одни отдали свою веру, а не язык, а наши отдали свой язык, а не веру... И по причине того, что прежде всего старики не могли хорошо произносить турецкий язык, а гагали из горла, то турки их избивали за то, что гагали и [не говорили хорошо по-турецки], и поэтому от *gaга* и уз их называли *гэгауз* или *гагауз*».

Такую же мифологическую нагрузку несет на себе и приписка в церковном молитвеннике, сделанная священником из Панагюрище

Петром Пондовым в 1812 г., опубликованная его внуком спустя почти 40 лет после смерти деда: «...на година 1812 да се знае, кога султан Махмуд прави война с московеца... и много нашенци умреха. Ала Света Мати Богородица и си свети мученици ни закрили. И по Черно море ристиените говорят турски по оная земя. Чи едни казват турците им рязали езика. Та много ги мъчели да станат турци. Ала не приели мохамедовата вера нечиста. Това да се знае и да се помни от секиго. Чи е истинско. Чи тия хора са строги и твърди на верата си...» [4: 5]. Перевод: «...о 1812 годе надо знать, когда султан Махмуд сделал войну с московитом... и много наших умерло. Но Святая Мать Богородица и все святые мученики нас защитили. И [на побережье] Черного моря христиане говорят по-турецки. Одни говорят, что турки отрезали им языки. Много их мучили, чтобы они стали турками. Но не приняли они мохамеданскую веру нечистую. Это необходимо знать и помнить всем. Что те люди строги и тверды в своей вере...».

Несмотря на несомненное значение этих источников, они все же несут на себе печать субъективизма их авторов, в основе которого – восприятие ими окружавшей их разноречивой православной среды обитания с кажущимися одинаковыми традициями в быту, в календарной обрядности, религиозных праздниках, этнографических объектах. Утверждения обоих рассказчиков нуждаются в подтверждении другими источниками гипотезы об этногенезе гагаузов как отуреченных болгар. Их нет, по крайней мере, я о них не знаю. Кстати, в болгарской историографии есть по этому вопросу и другое мнение. Г. Атанасов утверждает, что «если они (куманы. – И.Г.) и чувствовали себя болгарами, то продолжали использовать на бытовом уровне свой родной северотюркский говор», а когда в XIV в. «пришли османские турки с схожим языком», то «в еще большей степени утверждается материнский куманов (автор – сторонник куманского происхождения гагаузов. – И.Г.) тюркский говор (перевод мой. – И.Г.)» [1: 424, 425].

Историки, этнологи и лингвисты, опираясь на реальные факты, дошедшие до нас в виде археологических артефактов, письменных источников, многообразия тюркоязычных народов, проживающих на Балканах, в т. ч. и в Болгарии еще с аспаруховского периода ее истории, должны принять во внимание, что жители Болгарского в Казахстане, основавшие поселок, и их потомки являют собой этно-исторический феномен, который нуждается в объективном освещении, анализе и объяснении. Это я и попытался сделать в своей вышеуказанной статье, изданной в 2019 г. В ней анализируются факты, им дается объяснение и делаются следующие выводы. Выходцы из-за Дуная, поселившиеся в Буджаке, представляли две большие языковые группы переселенцев: болгароязычную и тюркоязычную,

причем последняя группа славяно-болгарского языка не знала. Тюркоязычные православные жители болгарских земель – это амальгама тюркских кочевников VII–XIV вв., включающая в себя кочевническое племенное ядро из куманов, печенегов, огузов, а также черных болгар и часть тюрков-болгар хана Аспаруха, не ассимилированных славянами. В период османского господства между ними происходила интеграция, их называли по-разному, но сами они в основном причисляли себя к болгарам. Это большинство тюркоязычных выходцев из-за Дуная последней трети XVIII – начала XIX в. (включая и переселение 1806–1812 гг.), поселившихся в Буджаке, называли себя, повторюсь, *болгарами*, а этнических болгар они называли *туканами*. Такое этническое разграничение со славяноязычными болгарами они использовали еще на Балканах. В данном случае этнический термин **болгары** для них не является этнонимом, это политоним! Тюркоязычные жители Буджака в официальных документах России определялись как *болгары, говорящие на турецком языке*. У потомков первопоселенцев в Буджаке процесс определения себя *гагаузами* возник в последнюю треть XIX в. и завершился в первой половине XX в. [6: 80–84]. Среди тюркоязычных жителей сел молдавского участка Южной Бессарабии, мигрировавших в Приазовье в 1860–1861 гг., этого процесса не наблюдалось. Он находился на начальной стадии, когда происходило переселение тюркоязычных жителей Буджака в Тургайскую область сел Чадыр-Лунгской и Комратской волостей Бендерского уезда продолжали, как было сказано, определять себя болгарами и потому назвали свой поселок Болгарским. Самоназвание **болгары** они передали и своим потомкам. Находясь вдали от основного ядра тюркоязычного населения Буджака, жители Болгарского не смогли сменить свою идентификацию с болгарской на гагаузскую. Вместе с тем ученые советских республик Средней Азии, как и их коллеги из Молдавской академии наук, признавая, что тюркоязычные переселенцы из Буджака называют себя там болгарами, относят их к гагаузам по языковому признаку. Болгарским языком они не владели, как пишет Алексей Павлович Маглели. Сам он стал причислять себя к гагаузам после прочтения соответствующей литературы, но его отец считает себя болгаринном, хотя славяно-болгарского языка и не знает.

Из сказанного выше следует, что для того тюркоязычного православного населения, которое мигрировало в 1860–1861 гг. в Приазовье или в конце XIX – начале XX в. на Северный Кавказ и в восточные регионы России, включая и Тургайскую область, сохраненное им самоназвание **болгары** выступает в качестве политонима. Такой же характер оно имело для всех православных тюркоязычных выходцев из-за Дуная в Буджаке до последней трети XIX в. Но объективные

географические (компактность поселений), демографические (рост населения), этнокультурные (специфика их проявлений в тюркоязычной православной среде) факторы, наконец, языковая идентичность обусловили зарождение и завершение процесса осознания себя тюркоязычной православной буджакской (бессарабской) общностью, определяемой этнонимом *гагаузы*, преодолев два переходных этапа пребывания в положении двойной идентичности (болгаро-гагаузы, затем гагаузо-болгары), прежде чем окончательно отказаться от политонима *болгары*.

Этноним гагаузы Буджака – болгарская гипотеза их этногенеза: дискурс. Современные отношения между болгарами и гагаузами юга Молдовы отягощены незнанием исторических реалий и особенностей формирования своих этносов. Основными компонентами этногенеза славяно-болгар после Рождества Христова (был еще и фракийский компонент) признаются славяне, тюрко-болгары хана Аспаруха и, как считает болгарский историк и археолог Г. Атанасов, часть куманов. В этногенезе гагаузов такими компонентами были куманы, печенеги, огузы [9], часть неассимилированных аспаруховских болгар, черные болгары [7], есть и славяне, греки (позиция ныне покойного одесского этнолога А. Шабашова). Как видим, в этногенезе болгар и гагаузов присутствуют общие этнические составляющие, но есть и различия. А.В. Шабашов, подчеркивая наличие общих этнических корней у гагаузов и болгар, справедливо утверждал, что на особенности формирования их как отдельных этносов влияла величина того или иного этнического компонента на начальной стадии этногенеза [15: 171–172]. Если по этой версии этногенеза болгар мнение историков и этнологов совпадает, то относительно этногенеза гагаузов единого мнения нет: одни историки и этнологи считают главным компонентом куманов (К. Иречек, Г. Атанасов), другие – тюрко-болгар хана Аспаруха (Г. Занетов), третьи (М. Губогло) – смешение огузов, печенегов, куманов [9; 10]. К четвертым отношу себя, поскольку добавляю в тюркскую амальгаму также черных болгар и часть аспаруховских болгар, не ассимилированных славянами на Балканах [7: 307–332]. Есть и другие гипотезы этногенеза гагаузов (их более 20), в которых указаны другие их компоненты. Они – предмет научной дискуссии, посредством которой можно прийти к общему согласию в виде признания одной из них верной или выдвинуть новую, вобравшую в себя существующие научные достижения и признаваемую всеми.

Однако две, болгарская и тюркская (огузы, куманы, печенеги), внедрены в массовое сознание болгар и гагаузов, главным образом в Болгарии и в обеих частях Буджака. Они-то и стали одним из источников осложнения отношений среди высокообразованной части

населения. Основная обида гагаузов Буджака на болгар вызвана тем, что болгарская историография, за некоторым исключением, считает гагаузов этническими болгарами, которые добровольно отказались в османский период своей истории от родного языка, перешли на турецкий язык общения, чтобы сохранить свою православную веру. А самими бессарабскими гагаузами отвергаются исторические факты, выявленные в архивных источниках и обнародованные в публикациях, которые свидетельствуют о том, что тюркоязычные православные в Северо-Восточной Болгарии, включая и Добруджу, называли себя, как было отмечено выше, «истинными болгарами» («асль булгар»), а этнические славяно-болгары для них были не истинными, их они называли туканами. С этими идентификационными кодами (они – болгары, а этнические болгары – туکانы) они и поселились в Буджаке.

Как быть с проблемой самоопределения тюркоязычных православных, если на постсоветском пространстве одна их часть живет, здравствует и называет себя болгарами, а другая – и основная – в украинской и молдавской частях Буджака признала себя гагаузами? Эта проблема существует только среди болгар и гагаузов в обеих частях Буджака. Простого решения здесь нет, поскольку требуется внедрить в сознание местных и болгар, и гагаузов единую точку зрения как на происхождение последних, так и на синтагму **болгарин**: когда и при каких обстоятельствах она выступает в качестве **этнонима**, а когда и при каких обстоятельствах в истории – в качестве **политонима**? Только введение такого разграничения этой синтагмы (для болгар – **этноним**, для тюркоязычных православных – **политоним**) может послужить историкам и политологам основанием для отказа от мифологической гипотезы происхождения гагаузов как отуреченных болгар и принятия ими амальгамы той тюркской гипотезы их этногенеза, в которой огузы, печенег и куманы (я включаю еще черных болгар и неассимилированных тюрок-болгар хана Аспаруха) объявляются в качестве главной амальгамы. Поскольку этого нет в научных публикациях, откуда ему взяться в массовом сознании людей?

Поэтому **первый шаг** должны сделать ученые – историки, этнологи и филологи. Во-первых, они не должны удревнять использование этнонима **гагаузы** за хронологические рамки периода завершения формирования этноса в Буджаке (последняя треть XIX – первая половина XX в.); во-вторых, следует признавать объективно существующим самоназвание **болгары** за православной тюркоязычной миграцией из-за Дуная в Буджак, миграцией из Буджака в Приазовье и миграцией на Северный Кавказ, в Казахстан, Узбекистан – это означает уважение к их праву на самоидентификацию; в-третьих, необходимо признать

за всем православным тюркоязычным населением на постсоветском пространстве термин **болгары** как политоним, распространяя его в этом значении на все этапы формирования новой тюркоязычной православной общности. Такой подход позволяет не нарушать право человека на самоидентификацию. Но это не препятствует языковедам изучать их язык и по нему относить их к гагаузам по факту глоттонима. Следовательно, если житель Болгарки заявляет, что он болгарин, но говорит на тюркском языке, то исследователя не должен интересовать вопрос его самоидентификации – в его задачу входит научное освещение проблемы владения родным языком.

Второй шаг – внедрение в сознание гагаузов и болгар Молдовы и Украины мысли о сложном переплетении исторического процесса и специфике формирования этногенеза болгар на Балканах и гагаузов за Дунаем и в Буджаке. Это достигается посредством научно-популярных изданий, освещения проблемы в СМИ, на уроках в учебных заведениях с болгарским и гагаузским контингентом учащихся. Очень многое зависит от болгарской и гагаузской интеллигенции, политиков и общественности в местах компактного проживания болгар и гагаузов в Молдове и на Украине. Сломать внедренные в их сознание этнопсихологические стереотипы будет очень нелегко. Но усиление недоверия между ними, которое уже имеет место и может накапливаться, не в интересах ни болгар, ни тем более гагаузов.

Ниже, в приложении, приведены некоторые письма А.П. Маглели из его переписки со мной и В.И. Сырфом, которая имела место при написании моей предыдущей статьи по антропонимии жителей поселка Болгарский. Она возникла благодаря Виталию Ивановичу, за что выражаю ему искреннюю благодарность. О самом Алексее Павловиче следует сказать, что он окончил Томский государственный университет, радиофизик по образованию, живет в областном центре. Интересовался исторической и этнологической литературой, историей переселения своих предков из Бессарабии, знает о существовании гагаузской автономии. Из его писем видно, что он теперь считает себя гагаузом и причисляет к ним всех тюркоязычных сородичей и жителей Болгарки, хотя и не скрывает, что его отец убежден, что он «истинный болгарин». Как видим, к болгарам относят себя и потомки первопереселенцев из Буджака, в т. ч. информанты Ю. Ганевой, называя свой тюркский язык славяно-болгарским. Следовательно, они с ним не сталкивались, раз не видят отличия между двумя разными языками.

ПРИЛОЖЕНИЕ

20.07.2018. «Здравствуйте. Поселок Болгарка – он же колхоз Коммунист. Вряд ли в Актюбинской области есть поселок с таким же названием. Гагаузы жили в других селах области, но в Коммунисте – в предельной концентрации. Кстати, есть село Бессарабка, там живут этнические молдаване. Есть еще какое-то, сразу не вспомню, там – чехи. Насчет гагаузов и этнических болгар я не скажу предметно. Я понимаю, о чем речь, читал историю. Но конкретно в отношении своей семьи сказать не готов. Все были по паспорту болгары, но иногда называли себя гагаузами. Бабушкина сестра т. Луша была замужем за Трофимом Геновым (они есть). Такая типичная славяно-болгарская фамилия, **но ни языком, ни обычаями от гагаузов не отличались** (здесь и далее выделено мной. – И.Г.). Все болгарские фамилии я, конечно, не помню, там среди одних Маглели черт ногу сломит. Ближайшие родственные тейпы – это Геновы, Копущу, Паламаржа, Котлуку. Бабушка Мазуренко, их три сестры было, родом из пос. Чадыр-Лунга (город?) Гагаузской автономии в Молдове. Дед Маглели родом из пос. Александровское близ Одессы. Ивану Федоровичу передайте, что в Актюбинске есть болгарское общество, его председатель – Павел Иванович Маглели, мой дальний родственник. У общества есть сайт, там все контакты. Пусть он обратится к Павлу Ивановичу, он более информированный товарищ».

20.07.2018. «Папа с мамой сейчас живут в г. Ртищево Саратовской области. Отцу 30 июня исполнилось 78 лет. Язык я немного понимаю, но толком говорить не могу. Мы в Актюбинске жили, в семье по-русски говорили. По-гагаузски говорили только в селе, куда я часто ездил на лето. Бабушка по-русски очень плохо говорила, поэтому волей-неволей язык надо было знать. Но с тех далеких пор практики не было, все забывается. Помню, бабушка в гневе обзывала меня "чарык-курсу". Я понять не мог, что это такое. Говорит – "ну такой... сухой тапочка". Так и не понял я. Потом с ней смотрели школьный учебник истории, там знаменитая карикатура на тему столыпинской реформы, где крестьянин стоит на своем подворье на одной ноге, вторую поджал. Бабушка обрадовалась показывает – вот они! чарык-курсу. Лапти». (Комментарий В.И. Сырфа: «Правильно сия идиома звучит и пишется "чарык-курусу" (букв. "сухость чарыка"), чарыки – вид грубой обуви кустарного производства из сыромятной кожи (у болгар называется "царули" (диал. – И.Г.), означает – пусто, нет ничего, в отношении человека – ничего не значащий, пустышка)».

20.07.2018. «Я погуглил, сайт болгар не нашел. Но нашел упоминание об "Общественное объединение "Актюбинское областное

этнокультурное объединение болгар "Вяра" (так в тексте письма. – И.Г.). Руководителем там Подольянова Анастасия Михайловна. Она есть у меня в друзьях на ОК, можно обратиться к ней напрямую. Я не знал, что там власть переменялась. Наверное, Павел Иванович отошел от дел по возрасту. Я с ним в крайний (последний. – И.Г.) раз общался весной 1980 года. Он тогда был молодым преподавателем пединститута, вел у меня курсы подготовки к поступлению в вуз, русский язык. Сейчас он полковник милиции в отставке. Попробую поискать его контакты, но Иван Федорович может сам сделать то же самое».

20.07.2018. «Дед Федор Иванович Маглели 1913 года рождения. Когда в начале 1930-х гг. пришла пора ему жениться, родители поехали в Молдавию. Его с собой не взяли, сказали на месте готовиться к свадьбе. Там в Чадыр-Лунге выбрали ему невесту, ее согласия, как водится, не спрашивали. Привезли ее в Болгарку, здесь уже баранов режут, той (торжество по случаю свадьбы) собирают. Все село – родня. Станный, конечно, обычай. Но уже при мне, в 1970-е годы, так тоже делали. Могли, кстати, привезти и не гагаузку, а молдаванку. Дед умер в декабре 1979 (как раз накануне ввода войск в Афган), и тут обнаружилось, что они даже не были зарегистрированы с бабушкой. Нарожали 11 детей, воспитали внуков, нажили имущество, дом, а бабушке даже пенсии по потере кормильца не положено».

23.07.2018 «Батя 1940 года рождения. Родился в Коммунисте (Болгарка), потом они переехали в пос. Ильинка в 40 км. Вряд ли он точно знает про все нюансы первопоселенцев, но спрошу».

27.07.2018. «Здравствуйте. С батей сейчас поговорил, он родился в Болгарке в 1940 году и вырос там. Я родителям давно уже подарил компьютер, организовал Интернет, все работает. Могу вам организовать Skype-конференцию, поговорите по-гагаузски. Но, боюсь, в плане информации вам ничем не поможет, ничего конкретного из истории села не знает, фамилии первопоселенцев не скажет даже приблизительно. Максимум бытовые воспоминания общего плана. Я регулярно гуглю историю гагаузов вообще, актюбинских в частности. Несколько раз попадались мне материалы основания пос. Болгарка. Но они шибко гладкие, уже прилизанные легендами. Исторической конкретики там мало, по крупицам нужно извлекать. Я поищу информацию и систематизирую, что смогу. Постараюсь связаться с П.И. Маглели и Анастасией Подольяновой (Бошко). А вот вчера мне попался интересный документ (приводит данные из Интернета на латинице. – И.Г.). Документ довольно ранний, за 1918 год, фамилии в списке на 90 % знакомые, почти все из родственных гагаузских семей. Без сомнения, все имеют корни в Бессарабии. Алексей».

27.07.2018. «Все-таки я склонен думать, что в списке есть болгарские фамилии. Навскидку: Генов, Костов, Балов, Маринов, Ворников, Руссев, Питлов, Курдов, Димитров, Данчов, Димов, Иванов. **Я близко знаю семьи Геновых, Ворниковых и Ивановых. Все, конечно, говорят по-гагаузски, и уклад жизни, манера одеваться не отличается от других семей гагаузов.** Но я давно читал (по-моему, в исследованиях Мошкова), что за сотни лет совместного (или в соседних селах) проживания в Молдавии-Бессарабии язык, быт, культура и верования пришлых болгар, гагаузов и даже местных молдаван взаимно диффундировали в единое целое. Я уже говорил, что гагаузы в Казахстане считают молдаван близкой родней, много смешанных браков. У брата отца Шурика жена Евдокия Ольга. В какой-то мере спорная фамилия Доброжан (есть в списке, но никогда не слышал про реальных людей). У нас в Актюбинске года с 1968 были хорошие друзья, русские, по фамилии Доброжановы. Я всегда думал, что фамилия происходит от местности Добруджа в Болгарии. Откуда, собственно, и произошел исход болгар и гагаузов в буджакские степи. Но это дело тонкое, по звучанию Доброжан ближе к гагаузскому. Alex».

28.08.2018. «Бабушка по-русски плохо говорила, а я по-гагаузски понимал только бытовую речь. Кроме того, все гагаузы были напряжены репрессиями 30-х годов, поэтому откровенничать ни у кого желания не было аж до самого конца Совдепа. По причине непонятной приписки Гагаузии (враждебная Румыния?) в армию их на всякий случай не призывали, только в трудармию. Мой дед по маме хохол (из Восточного Казахстана), воевал в Иране, Белоруссии, Прибалтике, Восточной Пруссии, закончил войну в Польше, Гдыня-Данциг. По возрасту не взяли на Дальний Восток Квантунскую армию громить. В 69-й стрелковой дивизии всех, кто старше 30 лет, оставили оккупировать Пруссию. Когда я деда Федора Маглели спросил, воевал ли он, он грустно усмехнулся, сказал: нет, я в тылу работал. Уточнять не стал. А д. Вася, его брат, в трудармии служил. Тоже без подробностей. Только после 90-го года я услышал от бабушки несколько красочных деталей того веселого времени».

27.07.2018. «Нет, реальных людей с такой фамилией (Тукан. – И.Г.) в нашем окружении не было. Просто краем уха приходилось что-то слышать, а откуда конкретно – не понятно. Бабушка, может, и рассказывала, но она умерла в 2000 году, ее уже не спросишь. Вообще, это только я такой грамотный (сказано с иронией по отношению к себе. – И.Г.). Родня вся о корнях своих имеет весьма смутное понятие. **Батя, например, уверен, что мы самые настоящие болгары, а никакие не гагаузы.** На том простом основании, что в советских паспортах у всех было "болгарин". И его не смущает, что в 70-е годы кто-то из

родни поехал в Болгарию и выяснили, что там их никто не понимает. Для меня это было очевидно еще подростком, что болгарский язык типично славянский, а родня говорит на явно выраженном тюркском языке. Потому с казаками и вообще всеми азиатами, алтайцами, татарами, башкирами легко находят общий язык, много переучиваться не нужно, все основные корни и языковые конструкции совпадают. Потом уже вычитал, что это тюркский язык огузской группы, североиранское наречие. Alex».

28.07.2018. «Нагуглил наконец. Туканом называли гагаузы славяно-болгар. Поясню наши реалии. В быту поселки называли Болгарка, Ильинка, Бессарабка. Их официальное название пос. Болгарское, Ильинское, Бессарабское. Но чаще Болгарку называли почему-то по названию ее колхоза – "Коммунист". В Ильиновском (так. – И.Г.) был колхоз "Парижской коммуны". Но его всегда называли Ильинкой. Мое детство прошло (обычно летние каникулы) в Ильинке. Там проживало всего несколько близкородственных семей гагаузов (десяток, наверное). По этим причинам ни про каких туканов и речи быть не могло. В Коммунисте (Болгарке) я был считанные разы, обычно, когда свадьба, то звали всю родню. Пирь по 200 человек по 3 дня – самое обычное дело. Баранов резали десятками, водка десятками ящиков и т. д. Вот там, у меня такое впечатление, что все были гагаузами. Многие сверстники, некоторые по-русски не говорили. Но уловить нюансы быта за 2–3 дня не удавалось, да и задачи такой не стояло. Но я наблюдательный человек с детства. Так что, если бы что-то такое было, я бы обязательно намотал на ус. Так что с большой долей вероятности можно утверждать, что либо славяноболгар вообще не было, либо они были предельно ассимилированы гагаузами. Alex».

ЛИТЕРАТУРА

1. Атанасов Г. Добруджанското деспотство. Велико Търново, 2009. 490 с.
2. Ганева Ю. «...и все пак сме българи». София, 2017. 192 с.
3. Ганева Ю. Езикът на българите в село Болгарка, Казахстан // Родолубец. Алманах. Брой IX. София, 2018. С. 425–430.
4. Градешлиев И. Гагаузите. Добрич, 1993. 128 с.
5. Грек И.Ф. Антропонимия «задунайских переселенцев» (последняя треть XVIII – начало XIX в.) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 289–340.
6. Грек И.Ф. Бессарабские гагаузы // Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 – поворотный год в истории «задунайских переселенцев». Кишинёв, 2011. С. 73–84.
7. Грек И.Ф. «Черные болгары»: этническая история и историческая судьба // Stratum plus. 2013. № 6. С. 307–332.
8. Грек И.Ф. Антропонимия жителей поселка Болгарский в Казахстане (к вопросу этногенеза гагаузов в Буджаке) // Русин. 2019. Т. 55. С. 317–352.

9. Губогло М.Н. Малые тюркоязычные народы Балканского полуострова (К вопросу о происхождении гагаузов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 14 с.

10. Губогло М.Н. Этническая принадлежность гагаузов (историография проблемы) // Советская этнография. 1967. № 3. С. 159–167.

11. Занетов Г. Българското население в средните векове. Русе, 1902.

12. Кожухарь В. Поселок Болгарка. Время здесь остановилось. 2 мая 2018 г. URL: www.diapazon.kz (дата обращения: 19.09.2020).

13. Нейков Б. Факийско предание. София, 1985.

14. Станчев М. Българите в Болгарское // Родно слово. 1991. Октябрь.

15. Шабашов А.В. К проблеме этногенеза гагаузов. Новые подходы // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинёв, 1999. С. 154–176.

REFERENCES

1. Atanasov, G. (2009) *Dobrudzhanskoto despotstvo*. Veliko Tarnovo: Faber.
2. Ganeva, Yu. (2017) “...i vse pak sme b”lgari”. Sofia: [s.n.].
3. Ganeva, Yu. (2018) Ezik”t na b”lgarite v selo Bolgarka, Kazakhstan. *Rodolyubets*. 9. pp. 425–430.
4. Gradeshliev, I. (1993) *Gagauzite*. Dobrich: Lyudmil Beshkov.
5. Grek, I.F. (2010) Anthroponymy of Transdanubian Settlers (1770 – early 1800). *Stratum plus*. 6. pp. 289–340 (in Russian).
6. Grek, I.F. (2011) Bessarabskie gagauzy [Bessarabian Gagauz]. In: Grek I.F. & Russev, N.D. *1812 – povorotnyy god v istorii “zadunayskikh pereselentsev”* [1812 is a turning point in the history of the “trans-Danube settlers”]. Chişinău: Stratum plus. pp. 73–84.
7. Grek, I.F. (2013) “Black Bulgars”: Ethnical History and Historical Fate. *Stratum plus*. 6. pp. 307–332 (in Russian).
8. Grek, I.F. (2019) Anthroponymy of the residents of Bolgarsky village in Kazakhstan (on ethnogenesis of the Gagauz in Bugeac). *Rusin*. 55. pp. 317–352 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/17
9. Guboglo, M.N. (1967) *Malye tyurkoyazychnye narody Balkanskogo poluostrova (K voprosu o proiskhozhdenii gagauzov)* [Small Turkic-speaking peoples of the Balkan Peninsula (On the origin of the Gagauz)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
10. Guboglo, M.N. (1967) *Etnicheskaya prinadlezhnost’ gagauzov (istoriografiya problemy)* [Ethnicity of the Gagauz (historiography of the problem)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 159–167.
11. Zanetov, G. (1902) *B”lgarskoto naselenie v srednite vekove*. Ruse: [s.n.].
12. Kozhukhar, V. (2018) *Poselok Bolgarka. Vremya zdes’ ostanovilos’* [Bolgarka village. Time has stopped here]. 2nd May. [Online] Available from: www.diapazon.kz (Accessed: 19th September 2020).
13. Neykov, B. (1985) *Fakiysko predanie* [Fakian legend]. Sofia: BAS.
14. Stanchev, M. (1991) B”lgarite v Bolgarskoe. *Rodno slovo*. October.

15. Shabashov, A.V. (1999) K probleme etnogeneza gagauzov. Novye podkhody [On the ethnogenesis of the Gagauz. New approaches]. In: Grek, I.F. (ed.) *Istoriya i kul'tura bolgar i gagauzov Moldovy i Ukrainy* [History and Culture of Bulgarians and Gagauz of Moldova and Ukraine]. Chişinău: SSB. pp. 154–176.

Грек Иван Федорович – доктор истории, политолог, член Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» (Молдова).

Ivan F. Grek – Pro-Moldova Association of Historians and Political Scientists (Moldova).

E-mail: ivangrec39@mai1.ru